

В. Ю. ЛЕБЕДЕВ

*К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КУЛЬТУР И ОСОБЕННОСТЯХ
РЕЛИГИОЗНОГО ПРАКСИСА*

Выбор онтологии для анализа социальных форм, морфологии культуры и особенностей организации религиозного праксиса в их пределах является важной методологической предпосылкой. Методологический монизм сказывается в том, что любая культурная реальность рассматривается в свете одной и той же стандартной методологии, что порою искажает сам предмет исследования. Рассматривая один и тот же культурно-исторический материал, можно преимущественно ограничиваться дескрипцией; феноменологические и герменевтические методы позволяют выстраивать их в цельную в смысловом отношении систему, нетривиальный «жизненный мир». Методологический монизм фундирован не только теорией прогресса. Задается специфическая онтология, подобная классической Спинозианской онтологии (сама идея выявления коррелятивных пар онтологии чисто философской и онтологии культурной реальности представляется плодотворной) — культурный универсум постулируется однородным, а рассматриваемые фрагменты культурной реальности — суммами неизменных конструктивных элементов. Подобно тому как монистическая онтология в культурологической науке может быть сопоставлена с монистической онтологией Спинозианского типа, формационно-стадиальным моделям соответствует эволюционная онтология Гегелевского типа. Однако тот онтологический подход, который мы сочли нужным применить,

скорее должен быть соотнесен с плюралистическими онтологиями. Плюралистическая онтология культурного мира (в духе Н. Гартмана, Дж. Сантаяны, Р. Игардена; следует признать и влияние П. А. Сорокина)¹, соединенная с элементами феноменологического метода, позволяет выделить оформленные фрагменты культурного процесса, организованные по своим законам, живущие согласно своим особым конститутивным принципам и обладающие специфическим набором признаков. Это скорее культурные миры, сменяющие друг друга. Было бы обедняющей ошибкой пытаться редуцировать их к уже известным и принятым в качестве паттернов, которыми исчерпывается многообразие культур. Культурный континуум прерывист, включает отрезки, организованные по разным принципам. Предреволюционная ситуация во Франции XVIII в. имела ярко выраженные черты культуры, которую мы ниже обозначим как ламинарную, что отчетливо видно уже при культурно-морфологическом анализе предреволюционной ситуации. Ярчайшим примером был и русский Серебряный век, появление которого было плохо объяснимо с точки зрения причинной обусловленности культурных процессов (пассеизм и ретроспективизм периода, сопровождавшиеся настойчивыми цитатными отсылками к культуре рококо уже показывает их однородность и родственность). Возможно, при построении моделей культур следует обращать внимание не на производящую их причину, как задано со времен гегемонии бэконовской методологии и позитивизма, а на целевую, финальную (не «почему?», а «для чего?»). Так, ламинарные культуры являются, чтобы вскоре погибнуть.

Выделение некоторого типа культуры, претендующее на научную системность и, тем самым, на значительную эвристическую ценность, не должно ограничиваться только

---

¹ См.: Гартман Н. Эстетика. Киев, 200; Горнштейн Т. Н. Философия Николая Гартмана. Критический анализ основных проблем онтологии. Л., 1969.

описанием феномена. Необходимо помещение описанного феномена в систему отношений однопорядковых явлений. Этим не только будет показана правомерность выделения (поскольку выявятся признаки, по которым такое выделение проводилось), но и будет создан базис для дальнейших выводов о механизмах функционирования культуры того или иного типа. Мы ввели еще несколько типологических единиц. В отличие от самой культуры ламинарного типа три оставшихся вида, которым присвоены несколько условные именованья («доминантный», «поляризованный» и «гомогенный» тип культуры), получили больше внимания в литературе, их признаки, как правило, уже были выделены; однако объединение многочисленных типов культуры именно в эти три типологические разновидности произведено нами согласно собственным критериям, при нарушении границ объемов и содержаний понятий, уже использованных культурологами. Разграничение этих четырех типов происходит по шести основным признакам, что легко представимо в виде таблицы (см. табл. 1).

Стратифицированность является важнейшим морфологическим признаком². Параметр «количество страт» не нуждается в специальном пояснении. Под степенью стратифицированности понимается четкость разграничения страт и значимость этого разграничения для самой культуры (вплоть до резкого межстратового антагонизма). Под аксиологической векторностью мы понимаем состояние культурной системы, когда помимо наличия кодекса ценностей, зафиксированных в социальной структуре и являющегося нормативным, образцовым, существует еще и ярко выраженное выделение этого кодекса как нормативного (на официальном, официозном, или харизматическом уровне). Страта-носитель нормативных ценностей является безусловным образцом, а все остальные так или иначе осознают свою вторичность и некоторую культурную «неполноценность».

² Сакс О. Пробуждения. С.349–400.

ТАБЛИЦА 1

	Ламинарная	Доминантная	Полиризованная	Гомогенная
Творческая активность	крайне высокая	высокая	низкая	низкая
Стабильность	нестабильна	стабильна	стабильна	стабильна
Межстратовое напряжение	слабое	средней силы	очень сильное	слабое
Аксиологическая векторность	ослаблена	сильная	сильная	слабая
Степень стратифицированности	большая	может быть значительно большей	большая	границы стратов размыты
Количество стратов	значительное	значительное	незначительное	неопределенное

При этом может наблюдаться активное стремление к смене ценностей и принятию ценностей нормативных (или по меньшей мере различные «жесты лояльности» по отношению к нормативирующей страте) или насаждение нормативных ценностей с использованием всех механизмов социального влияния. «Межстратовое напряжение» подразумевает разные виды активного антагонизма – от бытового отчуждения и вербальной агрессии до развернутых социальных эксцессов и аномии. Стабильность определяется длительностью существования культурного уклада, легкостью нарушения равновесия и возникновения кризиса, длительностью фазы кризиса и обратимостью процессов разрушения. Творческая активность выделяется нами по обычным методам социокультурных исследований. К безусловным признакам снижения творческой активности мы относим распространение эпигонства и тиражирования (последнее ярко представлено в масс-культуре), а также все формы «инвертированного творчества», подразделяемого нами на два основных вида: а. деятельность, состоящая только в разрушении того, что было создано за предыдущие культурные периоды; в. анти-деятельность, состоящая в профанации, снижении, извращении тех образцов, которые были созданы предыдущей культурой. Такое творчество вторично, беспомощно, ему необходима заранее созданная основа, некоторое творческое поле, заполненное готовыми образцами. Творческая активность выше также там, где художник (как социокультурный тип, вынужденный считаться с реальными особенностями общественных отношений) стремится к творчеству, порою сопряженному с особыми затратами (организация объединений, клубов, издательств), не рассчитывая на получение непосредственно следующей из этих затратных усилий выгоды. Наступает несимметричность в системе социального обмена, художник изначально не слишком заинтересован в его получении. Отсюда становится понятным расцвет

элитарного творчества в периоды ламинарных культур. Эстетика и творческие принципы в период ламинарной культуры обретают черты «творческой избыточности», утонченности и причудливости представлений о прекрасном: модернизм Серебряного века, искусство и сама артизированная жизненная повседневность эпохи французского рококо. Ламинарная культура, которую удобно привести в качестве примера, характеризуется (помимо слоистости как общей основной характеристики) наличием магистрального направления, причем структура культурного универсума состоит из комплекса достаточно равноправных слоев (культурных страт), имеет место агломерация субкультур со сниженным межстратовым напряжением. Оно ослаблено, нет явного антагонизма между культурой господствующей и субкультурами (во всяком случае, серьезных эксцессов, выливающихся в откровенные социальные акции, не наблюдается; отдельные эксцессы не в счет, их следует объяснить тем, что речь идет не об искусственной системе, а многофакторном социокультурном процессе). Между стратами устанавливается своеобразное динамическое равновесие; представители разных слоев живут и реализуют свои культурные установки достаточно свободно, а культурогенная элита весьма плодотворна. Все слои достаточно активны, но элита культуры существует в режиме максимального «витального выброса», как будто стремясь быстрее исчерпать свои резервы, творчество несет черты «творческой избыточности», появляется своеобразный маргинализированный эстетизм, причудливое усложнение представлений о прекрасном. Основное свойство ламинарных культур — кратковременность существования (порядка 50 лет).

Приведем несколько примеров культур вышеуказанных типов с указанием особенностей религиозного праксиса в каждом из них.

1. Французское рококо, русский Серебряный век, возможно, некоторые эпизоды культуры Возрождения (во всяком случае, период интенсивного формирования элитарного сознания) как ламинарные культуры, обладающие всем комплексом вышеперечисленных признаков. Для религиозного праксиса характерна высокая степень дифференцированности, где крайними вариантами можно назвать народную религиозность и религиозность богословско-академических кругов. Религиозное просвещение может быть очень вялым или достаточно интенсивным, однако оно все же окрашено в спокойные тона. Академическая богословская культура может даже оформиться в элиту, проблемы которой интересны и значимы, в первую очередь, ей самой. Яркой иллюстрацией являются взгляды о. П. Флоренского на имяславческую дискуссию. Публикации афонитов он оценивал критически в первую очередь из-за их прагматики: они вынесли на широкое обсуждение вопрос об имени Божием, который должен был оставаться внутренней тайной Церкви, фактически — эзотерическим знанием, широкое обсуждение которого автоматически приводит к профанации. Не случайно, что к эпохе Серебряного века так или иначе восходит ряд своеобразных и даже экстравагантных богословских идей, например, неохристианство Д. С. Мережковского, бергсонинское богословие, популярное в обновленческих кругах, предложение А. Ф. Лосева относительно провозглашения двух новых догматов. В условиях ламинарной культуры становятся взвешенными межконфессиональные отношения, происходит если не молитвенное, то активное личное и интеллектуальное общение представителей разных конфессий, а порой и религий (т. е. религиозно-философские собрания). Формирование «консервативного экуменизма» следует считать характерной чертой именно ламинарной культуры.

2. Западноевропейское Средневековье как доминантная культура. В этом случае аксиологическое и деятельностное главенство одной культурной прослойки весьма выражено и закреплено в правовом порядке (в данном случае это будет элитарная прослойка, формирующая и поддерживающая существование христианской культурной парадигмы как главенствующей). Сама элита вполне может содержать признаки интеллектуальной элитарности, но контролируемая масса таковой быть не обязана; рациональное обоснование догматов, ритуалов, форм иерархической организации резервируется за элитой. Представители страт, не желающих принимать эту культурно-идеологическую парадигму, должны, по меньшей мере, подчиниться, продемонстрировать лояльность господствующей страте, «свернуть» или сильно ограничить свою деятельность. Вместе с тем открытого антагонизма между стратами не наблюдается. Даже субкультуры с большим «коэффициентом непохожести» могут обладать набором прав, обеспечивающих им спокойное существование (еврейские общинам в европейских странах, нередко переживавших вполне благоприятные периоды). Показателем стабильности являются длительные сроки существования данных культур, а также наличие социальных механизмов защиты от попыток нарушить нормальный порядок жизни. Высочайший творческий потенциал общеизвестен и не вызывает сомнений (достаточно упомянуть синтез искусств в рамках культового действия). Мы можем охарактеризовать таким образом весь синодальный период истории Православной Церкви. До определенного момента такая особенность организации религиозного праксиса была вполне адаптивна. Ощутимые проблемы начались тогда, когда культурная морфология стала обретать признаки ламинарности. В результате, возникает «вилка» между официальной конфессией, принадлежностью к ней и распространением вольнодумных настроений, внеконфессиональной религиозности, позитивизма.

В сочетании с доминантным типом морфологии культуры это зачастую приводило к распространению фактического двоеверия, формализма в исполнении важнейших ритуалов. Такую ситуацию митр. Антоний (Вадковский) оценил как профанирующую и предложил разумные способы ее смягчения, в частности, облегчения легального выхода из Православной Церкви для тех, кто по соображениям совести находится там не хочет. Сепсис по отношению к предложениям Владыки был вызван и неверным культурным прогнозом: «синодальные круги» полагали, что существующий тип культуры будет существовать без морфологических и функциональных перемен еще неопределенно долго, а к наступлению ламинарного периода они были совершенно не готовы³.

3. Культуры эпохи буржуазных революций, особенно, в периоды непосредственных событий относятся к поляризованному типу. Культурная структура резко поляризуется, происходит «компрессия стратов», которые объединяются в более крупные и немногочисленные, а социальное бытие страт формализуется и официально институционализируется. Между стратами возникают отношения идеологического и реального, деятельностного антагонизма. Творческий потенциал падает, хотя внешне он может казаться даже оживленным. Частыми становятся акции разрушения или создания анти-форм. Срок существования культур этого типа, свидетельствующий о стабильности, может быть и незначительным (Французская революция) и относительно большим (все события, относящиеся к феномену Английской революции занимают довольно длительный хронологический отрезок). Стабильность определяется и общими единообразными причинами (жесткость организации политической власти)

³ Лескин Д. Имяславие как общечеловеческая интуиция в трудах священника Павла Флоренского // Павел Александрович Флоренский. М., 2013. С. 419–464.

и факторами индивидуальными (революционный террор во Франции не смог стать долговременным орудием ввиду малых территориальных размеров, быстро обусловивших его самоугасание террора — «выжженная земля», — на что указывал еще Ж. де Местр). В плане религиозного праксиса можно представить Католическую Церковь во Франции революционного периода и обновленческий кризис в русском Православии. И там, и там церковное сообщество поляризовалось, причем поляризация выявила и ряд давно существовавших проблем. Проблема социального статуса и легитимности существования и сословия духовенства и огромной социальной группы верующих оказалось под вопросом. Начались конфликты, имевшие в основе ритуально-семиотические реалии: реформы литургии, порой откровенно произвольные, казуальные и ситуационно обусловленные (вроде знаменитого служения Мессы лояльным епископом Ш.-М. де Талейраном на «алтаре Отечества» вместо обычного церковного алтаря), борьба за места совершения ритуалов и т. д. Само совершение или несовершение ритуала по определенному типу становилось средством социальной сигнификации и стигматизации со вполне серьезными последствиями⁴. Несмотря на активность реформ, эстетическая ценность и богословская глубина практически уходят (так, от попыток внести в Римскую Мессу элементы галликанской литургии практически не сохранились в истории западной Церкви). Разные конфессиональные общины, оказавшиеся рядом, в пределах одного из полюсов придают взаимным отношениям некоторые черты конструктивности, хотя и временной, глубину которой при этом не следует переоценивать. С другой стороны, инорелигиозные и иноконфессиональные общины могут предпринимать активные атаки на противоположный полюс, пользуясь невыгодными чертами

⁴ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1880-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 85.

его социального положения. В зависимости от степени давления на нежелательный «полос», помимо репутации культурно отсталых и несовременных могут последовать и более строгие меры воздействия, которые могут привести к попыткам заключения компромисса в интересах выживания, что несколько видоизменяет изначальную картину четкой поляризации, являясь при этом ее органическим следствием. Если в пределах ламинарных культур могут встречаться апостазия или близкие к ней поступки, мотивированные духовными проблемами⁵, то в рассматриваемые периоды такие действия чаще мотивированы растерянностью и подавленностью⁶.

4. Современные вестернизированные культуры являются гомогенными. Межстратового напряжения не только практически нет, сами границы стратов стерлись. В области религиозной культуры это обеспечивается распространением экуменизма, причем экуменизма вульгаризированного, основанного на плохом знании вероучения и религиозной истории, эмоциональности, примитивного «гуманизма», общей постмодернистской карнавальности). В обществе существует единый эталон, сочетающий в себе черты нормативных идентификационных эталонов разных страт. В итоге он может претендовать на эталон политкорректности. В религиозной сфере это выражается в виде конгломерата религиозных практик, явно или открыто предлагаемым сознанием Нью Эйдж, идеально вписывающейся в культуру с гомогенной морфологией. Может происходить нивелировка различий не только между стратами одной культуры, но и между разными национальными культурами (вестернизация Западной Европы, сгладившая межкультурные

⁵ См.: Головушкин Д. А. Апостол XX века. Жизнь и творчество о. Михаила (Семенова). СПб., 2010.

⁶ Фирсов С. Л. Апостазия: «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб., 2004.

различия). Экуменизм постепенно утрачивает межконфессиональные черты и переходит в экуменизм межрелигиозный. Отклонения от единого паттерна возможны, но мало кто стремится этим воспользоваться (за исключением культурных и религиозных традиционалистов и иных немногочисленных групп, в настоящее время практически маргинализирующихся: при этом со стороны самой гомогенной культуры к этим индивидам и группам, выпавшим из мейнстрима отношение может быть разным, от безразличия до шельмования и подавления). Культура общества равных возможностей ярко показывает свою гомогенную структуру. О снижении творческих возможностей свидетельствует не только феномен масс-культуры, демонстрирующий все основные типы иссякания творческого запаса, но и крайне убогое при всей причудливости форм «литургическое творчество». Если изменения Литургии в ситуации обновленчества мотивировались реальными потребностями в ситуации полярного противостояния, то современные «новшества» напоминают ленивую и совершенно бесцельную игру – идеал постмодерна. Вывод о стабильности гомогенных культур не является окончательным из-за незавершенности наблюдения за ними. Рутинность и вялость существования вообще мало располагает к действиям, влекущим за собой социальные эксцессы.

На данный момент сделать какие-либо выводы о закономерностях следования культур разных вышеперечисленных типов друг за другом затруднительно: требуется более длительный анализ материала с возможным исключением типичных некорректностей, совершаемых порою при выделении историко-культурных хронологических закономерностей. Также трудно окончательно сказать, есть ли в смене указанных культурных типов жесткая последовательность. Предложенная нами типология не несет в себе оценочного элемента, поскольку методология представляет собой феноменологический метод описания культурных

единиц, обладающих разной культурной онтологией, разными способами существования в культурном пространстве. Несомненно наличие переходных форм и переходных этапов, описание которых также позволит существенно развить предложенную типологию культур, в том числе, и в интересах религиоведения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гартман Н. Эстетика. — Киев: Ника-центр, 2004. — 640 с.
2. Головушкин Д. А. Апостол XX века. Жизнь и творчество о. Михаила (Семенова). — СПб.: Политехника-сервис, 2010. — 127 с.
3. Горнштейн Т. Н. Философия Николая Гартмана. Критический анализ основных проблем онтологии. — Л.: Наука, 1969. — 280 с.
4. Лескин Д. Имяславие как общечеловеческая интуиция в трудах священника Павла Флоренского // Павел Александрович Флоренский. М.: РОССПЭН, 2013. С. 419–464.
5. Олар А. Христианство и Французская революция: 1789–1802. — М.: Атеист, 1925. — 99 с.
6. Сакс О. Пробуждения. — М.: Астрель, 2012. — 574 с.
7. Сорокин П. А. Система социологии. — М.: Астрель, 2008. — 1003 с.
8. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.
9. Фирсов С. Л. Апостасия: «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. — СПб.: Сатись Держава, 2004. — 286 с.
10. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1880-х – 1918 гг.). — СПб.: Духовная библиотека, 2002. — 624 с.